

Общественно-политические процессы

П. Г. Космач

Религиозный фактор в англо-американском этнополитическом размежевании

I

Изучение событий Американской революции неизбежно ставило перед историками вопрос о причинах конфликта между колониями и метрополией, переросшего в ожесточенную войну. Достаточно распространенным объяснением остается схема, согласно которой события 1775–1783 гг. стали реакцией на экономические и политические меры, проводившиеся официальным Лондоном после окончания Семилетней войны (1763). В частности, Б. Бейлин отметил: «Она (Американская революция – П. К.) стала восстанием против центрального правительства, которое требовало и, казалось, осуществляло неограниченную власть...»¹. В рамках такого взгляда формирование государственности США рассматривается как процесс, который в идейном отношении опирался на достижения светской мысли «Века Разума». Так, в американской исторической науке получила определенную популярность концепция Г. Коммейджера, согласно которой Америка только воплотила в жизнь идеалы европейского Просвещения². В созвучии с подобным подходом находятся работы Дж. Батлера, отрицающего какую-либо значимую роль религии в Американской революции³.

В советской и российской историографии не было и нет единой точки зрения относительно соотношения пуританских и просветительских элементов в идеологии Американской революции⁴. Как правило, основное внимание уделялось именно светской составляющей мировоззрения основателей США, связанной с веяниями эпохи Просвещения⁵. Это не случайно, ибо общее по-

¹ Бейлин Б. Создание американской федерации (Контуры Американской революции) // Американский ежегодник. 1997. С. 16.

² См.: *Commager H. The Empire of Reason. How Europe Imagined and America Realized the Enlightenment.* Garden City; N. Y., 1977.

³ *Butler J. Why Revolutionary America Wasn't a "Christian Nation" // Religion and the New Republic: Faith in the Founding of America.* Lanham; Boulder; N. Y.; Oxford, 2000. P. 187–202; *Butler J. New World Faiths: Religion in Colonial America.* Oxford; N. Y., 2008.

⁴ Подробнее см.: *Космач П. Г. Русскоязычная историография религиозного фактора в истории образования государственности США // Романовские чтения-5: сб. тр. Междунар. науч. конф. Могилев, 2009. С. 53–54.*

⁵ В качестве примеров отметим следующие работы: *Каримский А. Революция 1776 г. и становление американской философии.* М., 1976. С. 84–85; *Согрин В. В. Идеологические течения в Американской революции XVIII века.* М., 1980. С. 62–63; *Он же. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века.* М., 1995. С. 48; *Фишмонова М. Александр Гамильтон и создание конституции США.* М., 2004. С. 45–46.

Космач Павел Геннадьевич, старший преподаватель Белорусского государственного университета. E-mail: taluipavel@yahoo.com

© П. Г. Космач, 2011

нимание социальной философии «Века Разума» строилось на основе преимущественно произведений французских мыслителей (Ф.-М. Аруэ (Вольтера), Д. Дидро, К.-А. Гельвеция, П.-А. Гольбаха, Ж.-Ж. Руссо и др.). В таком случае между Просвещением и пуританизмом не могло быть практически ничего общего. Однако следует отметить, что интеллектуальная культура XVIII в. на территории англосаксонского мира имела совершенно особый характер. В этом отношении верен вывод историка из Гарвардского университета П. Игонне: «Таким образом, мы должны исходить из того, что американское Просвещение в корне отличалось от французского»¹. Результаты исследований Ч. Хайнемана, Д. Лутца, К. Брайденбо, Д. Дрейсбаха, Дж. Хатсона и ряда других ученых свидетельствуют о том, что в ходе основания США религиозный фактор играл весьма важную роль². Пуританский компонент присутствовал и в мировоззрении даже тех революционных лидеров, которые в наибольшей степени восприняли идеи «Века Разума». Учитывая изложенное, трудно не согласиться с мнением ведущего российского американиста В. В. Согрина, подчеркнувшего необходимость осуществления научных работ по изучению религии в истории США XVII–XVIII вв.³

Как известно, важную роль в колониальном сопротивлении 1760-х – первой половины 1770-х годов играло именно население Новой Англии (Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир), которое составляли потомки пуритан, помнившие традиции сопротивления королевской власти и англиканской церкви. В XVIII в. кальвинистские убеждения получили определенное распространение в южных колониях (Виргинии, Северной Каролине, Южной Каролине, Джорджии). Приверженцы деноминаций, в доктринальном отношении связанных с учением женева реформатора, на территории среднеатлантического региона будущих США (Нью-Джерси, Пенсильвания, Нью-Йорк, Делавэр, Мэриленд) в целом укрепили собственные позиции. Этому способствовало т. н. «Великое пробуждение» протестантизма, пик которого пришелся примерно на конец 1730 – первую половину 1740-х годов. В результате этого движения, носившего эгалитарный и межэтнический характер, конфессиональная структура колоний пережила серьезную трансформацию – к началу 1760-х гг. значительно возросло число баптистов, пресвитериан, методистов.

¹ Игонне П. Соединенные Штаты Америки // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 505.

² См.: Lutz D., Hyneman C. The Relative Influence of European Writers on Late Eighteenth-Century American Political Thought // The American Political Science Review. Vol. 78. March 1984. P. 189–197; Bridenbaugh C. Mitre and Sceptre: Transatlantic Faiths, Ideas, Personalities, and Politics, 1689–1775. N.Y., 1962; Dreisbach D. Real Threat and Mere Shadow: Religious Liberty and the First Amendment. Westchester, 1987; Hutson J. Forgotten Features of the Founding. The Recovery of Religious Themes in Early American Republic. Lanham [etc.], 2003.

³ Согрин В. В. Актуальные вопросы изучения истории США XVII–XVIII веков // Американский ежегодник. 2004. С. 18.

В целом «Великое пробуждение» протестантизма содействовало возникновению общеамериканского самосознания, одним из компонентов которого были определенные религиозные представления, связывавшиеся с гражданскими правами и свободами. Благодаря деятельности странствующих проповедников, выступавших преимущественно с евангелико-кальвинистских позиций, среди населения колоний постепенно получало распространение представление о себе как об «избранном Богом» народе¹. Закреплению подобных убеждений содействовали конфликты Великобритании с католическими Испанией и Францией, театр боевых действий которых затрагивал и Северную Америку. В связи с этим С. Хантингтон отметил: «До 1740-х гг. название “Америка” применялось к территории, но не к обществу. А с этого времени и сами колонисты, и европейцы стали говорить об “американцах”. Участники “войны из-за уха Дженкинса” называли друг друга “европейцами” и “американцами”. Общеамериканское сознание развивалось стремительно. (...) Иными словами, в третьей четверти восемнадцатого столетия американцы осознали собственную идентичность»².

Характерно, что имя Дж. Уитфилда – наиболее активного странствующего проповедника – приобрело почти священное значение для многих колонистов. В 1775 г. части американской революционной армии, направлявшиеся в Канаду, прибыли в город Ньюберипорт (Массачусетс), где был похоронен Дж. Уитфилд. Офицеры вошли в церковный склеп, вскрыли гроб с его останками, а затем сняли часть его пасторского одеяния – воротник и манжеты, которые были разрезаны на маленькие кусочки и розданы солдатам в качестве своеобразных талисманов. Комментируя это событие, современный американский исследователь Дж. Хатсон дал следующую характеристику массовому сознанию восставших: «Распространение этих талисманов “Великого пробуждения” в своем суеверии показало, что люди перед лицом тревоги и опасности желали связать себя со священником животворящего Бога, а не с последним лондонским изданием Локка»³.

Важным результатом «Великого пробуждения» стало развитие общественного мнения в пользу обеспечения максимально широкой свободы вероисповедания. Подобные требования приобретали косвенную антианглийскую направленность, поскольку основной мишенью в данном случае была именно англиканская церковь, ее привилегированный статус в южных колониях, особенно в Виргинии. В силу этого стремление к размежеванию церковной и политической сфер было связано не с ростом антирелигиозных настроений, а с дальнейшим увеличением численности представителей неангликанских протестантских деноминаций.

¹ *Berens J.* Providence and Patriotism in Early America, 1640–1815. Charlottesville, 1978. P. 30.

² *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 179.

³ *Hutson J.* Religion and the Founding of the American Republic. Washington, 1998. P. 35.

Изменения в религиозной сфере имели и политическое значение. Еще в 1724 г. губернатор Южной Каролины Ф. Николсон писал: «Я думаю, не составляет трудности доказать, что все диссиденты здесь, в Новой Англии и других колониях Его Величества, придерживаются республиканских принципов как в церкви, так и в государстве, и, если бы это было в их власти, стали бы независимыми от Короны Великобритании»¹. Альтернативная конфессиональная идентичность тем самым обоснованно воспринималась и как потенциальная основа для политического радикализма. Предрасположенность к последнему имела у значительной массы населения, проживавшего за тысячи километров от Англии, прежде всего в северных и среднеатлантических колониях Британской Америки. Так, прологом к будущим произведениям революционной эпохи считается работа конгрегационалистского священника Дж. Мэйхью «Дискурс о неограниченном подчинении и несопротивлении высшим властям» (1750). Поводом к написанию данного произведения послужила столетняя годовщина казни Карла I Стюарта, считавшегося «королем-мучеником» и канонизированного англиканской церковью. Дж. Мэйхью на примере событий Английской революции XVII в. утверждал законность сопротивления произволу монарха².

«Дискурс...» знаменателен тем, что показывает наличие определенной отчужденности между населением колоний и метрополией – Дж. Мэйхью не боялся признавать связь между убийцами Карла I и жителями Новой Англии. Один из будущих лидеров восставших колонистов Дж. Адамс так писал о значении этого памфлета: «Преследования и жестокости, перенесенные их предками во время этих правлений (королей династии Стюартов. – *П. К.*), не забылись благодаря истории и традиции, и Мэйхью, казалось, был воспитан для того, чтобы возродить все их единодушие против тирании в церкви и государстве...»³

II

На протяжении XVI–XVIII вв. англиканская церковь являлась важной опорой британской короны. При посвящении в духовный сан англиканский священнослужитель присягал на верность монарху и обещал защищать его против любого врага – как внутреннего, так и внешнего. Частью литургии были молитвы за короля и его семью. В свою очередь, для членов неангликанских протестантских церквей даже после событий 1688–1689 гг. существовали серьезные правовые ограничения. Так, Б. Франклин писал: «В Новой Англии, где законодательные органы почти все до одного состоят из диссидентов, отколовшихся от англиканской церкви:

¹ Цит. по: *Bonomi S. Religious Dissent and the Case for American Exceptionalism // Religion in a Revolutionary Age. Charlottesville, 1994. P. 46.*

² *Mayhew J. A. Discourse Concerning Unlimited Submission and Non-Resistance to the Higher Powers // Pamphlets of the American Revolution 1750–1776. Cambridge, 1965. Vol. I: 1750–1765. P. 238–247.*

³ *Adams J. What Do We Mean by the American Revolution? (1818) // An American Primer. Ontario, 1985. P. 254.*

1. Не существует присяги, которая препятствовала бы священникам занимать должности.

2. Сыновья членов англиканской церкви имеют полное право учиться в университетах.

3. Налоги на отправление церковной службы, уплачиваемые членами англиканской церкви, передаются епископальному священнику.

В Старой Англии:

1. Диссиденты не допускаются ни на какую доходную или почетную должность.

2. Право на обучение в университетах дается только сыновьям членов англиканской церкви.

3. Духовенство диссидентов не получает ничего из церковной десятины, уплачиваемой членами его церкви, которым поэтому приходится вносить дополнительные средства»¹.

На территории британских владений в Северной Америке ее правовой статус и организационная структура имели ряд важных особенностей. Так, несмотря на наличие многочисленной паствы, в колониях не было англиканского епископа. Его функции были разделены между приходскими управлениями, мировыми судьями, королевскими губернаторами. В связи с этим неоднократно ставился вопрос о создании американского епископата англиканской церкви с целью усиления позиций данной конфессии. На политическую целесообразность такой меры, призванной выступить в качестве «наиболее эффективной среди средств, которые могут быть найдены для обеспечения зависимости от нашей матери Родины», указывал уже в 1725 г. один из ведущих деятелей англиканской церкви в колониях, первый президент Кингс колледжа С. Джонсон².

Не случайно, что в одном из документов библиотеки Ламбетского дворца (резиденции архиепископа Кентерберийского в столице Великобритании) XVIII в. отмечался ряд религиозно-политических обстоятельств, вызывавших беспокойство: «Некоторые весьма значительные особы, рассматривая стремительный рост колоний, выразили свои опасения, что они будут не всегда подчиняться так, как они должны, торговым законам и интересам Отчизны и могут в то или иное время задуматься о независимости. Теперь мы можем рискнуть, утверждая, что если что-либо будет способствовать подобному развитию событий, то это позволение церкви оставаться в ее нынешнем печальном состоянии. Хорошо известно, что по доктрине и устройству церковь является одной из прочнейших опор монархии и английской конституции, в то время как многочисленные деноминации индепендентов, квакеров и других сектантов являются более республиканскими по своим принципам»³. Действительно,

¹ Франклин Б. Терпимость в Старой и Новой Англии // Американские просветители: избранные произведения в двух томах. М., 1968. Т. 1. С. 103.

² Cross A. The Anglican Episcopate and the American Colonies. N. Y., 1902. P. 108.

³ A brief view of the state of the Church in the British colonies, n.d. // Library of Congress (Washington, D. C.). Manuscript Division. Foreign Copying Program. Great Britain.

если в 1700 г. англиканские церкви охватывали около одной четвертой населения колоний, то к 1750 г. – лишь одну шестую, а к 1775 г. – одну девятую. За период с 1740 по 1780 г. по количеству церквей англикане переместились со второго на четвертое место, уступая конгрегационалистам, пресвитерианам и баптистам¹.

Даже в южных колониях, где у англиканства были достаточно прочные позиции, духовенство скомпрометировало себя противостоянием с приходскими управлениями, недостаточным профессиональным усердием, а в некоторых случаях и аморальным поведением. Изменения в общественном мнении отмечал, в частности, епископ Лондона Т. Шерлок, под номинальной юрисдикцией которого находилось колониальное англиканское духовенство. В 1759 г. он так писал о жителях Виргинии: «...все являлись членами англиканской церкви, среди них не было диссидентов, духовенство уважали и к нему хорошо относились люди, но эти дни миновали, и они, кажется, стремятся ни много ни мало к уменьшению влияния Короны и содержания духовенства...»². В связи с этим заслуживают внимания и записи, оставленные Ч. Вудмейсоном – англиканским священником в глуши (районах, отдаленных от побережья) Южной Каролины. Они показывают, насколько уже во второй половине 1760-х гг. были сильны позиции тех протестантов, которые не придерживались англиканства, даже на территориях, весьма удаленных от среднеатлантических колоний и Новой Англии. Родившись и проведя значительную часть жизни в Англии, Ч. Вудмейсон столкнулся по другую сторону Атлантического океана с фактически иным народом. В этом ему пришлось убедиться на собственном опыте: «...Американцы (Americans) восхищаются всеми, кто поддержал их против акта о гербовом сборе. Поскольку я предполагался в качестве распространителя, то потерял все их расположение и никогда его не вернул»³. Его стали воспринимать как «антиамериканца» и правительственного «шпиона». Ч. Вудмейсон с сожалением писал: «Духовенство (англиканское – *П.К.*) здесь не использует свои права и покорно подчиняется всему, в то время как Ассамблея постоянно расширяет собственную

Lambeth Palace Library. Miscellaneous American Material 17th – 18th Centuries. Reel № 5 (Shelf № 17, 679): Manuscript 2589: Papers of the Bishop of London jurisdiction in the American Colonies, c. 1723–1785. P. 122.

¹ Rhoden N. Revolutionary Anglicanism: The Colonial Church of England Clergy during the American Revolution. L., 1999. P. 24.

² Report of the Lords Commissioners for Trade and Plantations for His Majesty's disallowance of several acts passed in Virginia in 1753, 1755, and 1758 relating to the clergy, 4 July 1759, with annexed a letter from Thomas Sherlock, Bishop of London, to the same, 14 June 1759 // Library of Congress (Washington, D. C.). Manuscript Division. Foreign Copying Program. Great Britain. Lambeth Palace Library. Miscellaneous American Material 17th – 18th Centuries. – Reel № 5 (Shelf № 17, 679): Manuscript 2589: Papers of the Bishop of London jurisdiction in the American Colonies, c. 1723–1785. P. 98.

³ Woodmason C. The Carolina Backcountry on the Eve of the Revolution: The Journal and Other Writings of Charles Woodmason, Anglican Itinerant. Chapel Hill, 1953. P. 49.

власть. Я хотел бы видеть королевскую прерогативу сильнее утвержденной и подержанной. Ддисидентское влияние полностью доминирует...»¹.

Как известно, принятие в 1765 г. акта о гербовом сборе, обязывавшего население покупать специальную бумагу для печатания газет, памфлетов и юридических документов, вызвало всеобщее возмущение в колониях. Это был первый прямой налог, введенный самим парламентом. Дж. Адамс позднее сравнивал утверждение акта о гербовом сборе с объявлением войны и, отмечая единодушное неприятие его американскими колонистами, говорил уже о «двух нациях»².

Аннулирование закона о гербовом сборе в 1766 г. сопровождалось принятием разъяснительного акта (акта о верховенстве), который провозглашал право центральной власти, среди инстанций которой назывались «лорды духовные и светские», на законодательную деятельность в отношении колоний «во всех случаях без исключения»³. В своей основной части он зловеще напоминал аналогичный закон, ранее принятый в отношении Ирландии (1719). Принятие акта о верховенстве обострило дискуссии по вопросу об учреждении англиканской епископской кафедры (или нескольких кафедр), ибо в этом многие видели угрозу своим правам и свободам. Указанный акт 1766 г. связал в тугой узел политические, экономические, религиозные противоречия между колониями и метрополией. Дж. Адамс отмечал следующее: «Протест касался не столько самой должности епископа, хотя даже этого опасались, но полномочий парламента, на основании которых она должна была быть введена. ...если парламента может учреждать диоцезии и назначать епископов, он может ввести полное священноначалие, установить церковную десятину, запрещать браки и погребения, вводить религии, преследовать диссидентов, превращать схизму в ересь, облагать наказаниями, простирающимися на жизнь или ее часть так же, как и на свободу и собственность»⁴.

Религиозное измерение развивающемуся конфликту придавала и активная миссионерская деятельность англиканского Общества по распространению Евангелия, которое многими воспринималось в качестве силы, стремящейся к укоренению принципов духовной и светской тирании в Британской Америке. Несмотря на острую нехватку священников в южных колониях, руководство данной организации продолжало направлять миссионеров в Новую Англию и среднеатлантические колонии, лелея надежды на возвращение диссидентов в собственное лоно⁵.

¹ Woodmason C. The Carolina Backcountry on the Eve of the Revolution: The Journal and Other Writings of Charles Woodmason, Anglican Itinerant. P. 199.

² Adams J. – Morse J. Quincy, 5 December 1815 // The Works of John Adams. Boston, 1856. Vol. 10. P. 189.

³ The Declaratory Act // The American Republic: Primary Sources. Indianapolis, 2002. P. 135–136.

⁴ Adams J. – Morse J. Quincy, 2 December 1815 // The Works of John Adams. Boston, 1856. Vol. 10. P. 185.

⁵ Jonathan Mayhew (1720–1766) and the Society for the Propagation of the Gospel // A Documentary History of Religion in America to 1877 / Ed. by Edwin S. Gaustad with revisions by Mark

К началу революции Общество по распространению Евангелия объединяло значительные силы (примерно одна треть) англиканского колониального духовенства – свыше ста миссионеров. Среди них достаточно часто встречались лица, которые не только с открытой враждебностью относились к колониальным политическим требованиям, но и считали необходимым ужесточение общего внутривнутриполитического курса. В итоге работа миссионеров Общества по распространению Евангелия (которое к тому же активно лоббировало создание англиканской епископской кафедры в Северной Америке) способствовала процессам отчуждения англиканской церкви от колониального общества, где постепенно начинали преобладать патриотические, антибританские настроения. Характерно, что после 1776 г. данная церковь лишилась привилегированного статуса везде, где она его ранее имела.

III

Начало 1770-х гг. не принесло улучшения в отношения между колониями и метрополией – конфликт продолжал стремительно развиваться. Британский парламент в 1774 г., реагируя на «бостонское чаепитие», принял серию законодательных актов, которые получили название «нестерпимых». Бостонский порт закрывался для торговли вплоть до восстановления порядка и возмещения убытков. Реформировалась система управления Массачусетса – практически вся власть передавалась королевскому губернатору, изменялась система отправления правосудия путем ограничения компетенции колониальной юстиции.

Важным законом стал так называемый «Квебекский акт», который расширял границы этой части британской Канады до рек Огайо и Миссисипи (то есть в три раза)¹. На данной территории восстанавливалась с рядом изменений система абсолютизма периода французского господства, а также католицизм в качестве официальной религии. Колониальные лидеры рассматривали «Квебекский акт» в качестве готового образца и средства для уничтожения всех их прав и свобод. Существенное значение имел и религиозный фактор. Так, А. Гамильтон писал: «Если они (члены парламента – П. К.) были бы друзьями протестантизма, они никогда не обеспечили бы такую поддержку его злейшего врага: они никогда бы так не воодушевили папизм»². Ежегодно в колониях 5 ноября (день Гая Фокса – день раскрытия порохового заговора 1605 г.) проводилось торжественное сожжение изображений дьявола и папы, который отождествлялся с Антихристом. Теперь же, когда стал очевиден своеобразный «союз» между католицизмом и официальным Лондоном в Северной Америке, в ми-

A. Noll. Grand Rapids, Michigan / Cambridge, U.K.: William B. Eerdmans Publishing Company, 2003. P. 107.

¹ Антекер Г. История американского народа. Американская революция 1763–1783. М., 1962. С. 68.

² Hamilton A. A. Full Vindication of the Measures of the Congress, [etc.] // The Papers of Alexander Hamilton. N. Y., L., 1961. Vol. 1: 1768–1778. P. 69.

ривозрении колонистов уже само правительство Великобритании стало приобретать inferнальные черты¹.

Виргинская ассамблея, подчеркивая свою солидарность с Массачусетсом, объявила день закрытия бостонского порта – 1 июня 1774 г. – днем скорби, поста и молитвы. Т. Джефферсон так писал об обстоятельствах этого назначения: «...И вот, с помощью Рашуорта, которого мы тщательно просмотрели в поисках хранимых им революционных прецедентов и правил пуритан тех дней, мы, несколько модернизировав их формулировки, приготовили резолюцию, объявив 1 июня, дату вступления в силу закона о порте, днем поста, скорби и молитвы...»². С другой стороны, консервативный священник англиканской церкви Дж. Баучер, видя религиозное измерение конфликта, в обращении к представителям южных колоний в Континентальном конгрессе характеризовал стремление к независимости как движение за создание «дикой республики сумасшедших индипендентов»³. Это показывает, что элементы пуританских представлений, войдя в состав идеологии колониального сопротивления, становились частью американской идентичности.

Осенью 1774 г. П. Генри, известным политическим деятелем Виргинии, на одном из заседаний Континентального конгресса были сказаны исторические слова, свидетельствовавшие о возникновении нового этнического самосознания. Он говорил: «...нет больше различий между виргинцами, пенсильванцами, ньюйоркцами и новоанглийцами. Я не виргинец, а американец»⁴. В Бостоне двумя годами ранее, как свидетельствует проповедь баптистского священника Дж. Аллена, провозглашалось, что «король Англии имеет не больше прав в соответствии с законами Бога и природы на земли Америки, чем на земли Франции»⁵. Автор данной проповеди, надеясь на примирение и «взаимный союз» между «британцами и американцами», тем не менее призывал колонистов отстаивать право на самоуправление, купленное кровью их предков, бежавших от английской тирании.

В Декларации прав, принятой Континентальным конгрессом 6 июля 1775 г., подчеркивалась преемственность между религиозными диссидентами XVII в. и жителями колоний. В указанном документе отмечалось: «Наши предки, жители острова Великобритании, оставили свой родной край для того, чтобы искать на этих берегах местопребывание для гражданской и религиозной свободы»⁶. Известный де-

¹ Bloch R. Visionary Republic: Millennial Themes in American Thought, 1756–1800. Cambridge, 1985. P. 59.

² Джефферсон Т. Автобиография; Заметки о штате Виргиния. Л., 1990. С. 25.

³ Boucher J. To the Honble the Deputies in Congress from the Southern Provinces // American Christianity: An Historical Interpretation with Representative Documents. N. Y., 1960. Vol. I. 1607–1820. P. 440.

⁴ Цит. по: Davies D. H. Religion and the Continental Congress 1774–1789: Contributions to Original Intent. Oxford; N. Y., 2000. P. 177–178.

⁵ Allen J. An Oration Upon the Beauties of Liberty // Political Sermons of the American Founding Era: 1730–1805. Indianapolis, 1998. Vol. 1. P. 310.

⁶ *The Necessity for Taking Up Arms* (sometimes called “A Declaration of Rights”).

путат Палаты общин британского парламента Э. Берк, призывая в 1775 г. к перемирию с колониями, называл их население «новым народом», а популярный литератор С. Джонсон в то же время писал, что американцы имеют не больше прав на самоуправление, чем кельты в Англии¹.

Важно, что Декларация независимости 1776 г. начиналась именно с провозглашения англо-американского этнополитического размежевания: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы, связывающие его с другим народом, и занять самостоятельное и равное место среди держав мира, на которое он имеет право по законам природы и ее Творца, уважительное отношение к мнению человечества требует от него разъяснения причин, побудивших его к такому отделению»². Поэтому ошибочно утверждать, как это делает американский историк Дж. Мюррин, что в «борьбе за независимость колонисты настаивали до конца, что они – тоже британцы, которые добиваются от англичан только уважения своих прав»³.

Формирование отдельной этнической идентичности населения колоний шло спонтанно и постепенно. Политика официального Лондона 1763–1774 гг. стала лишь своеобразным катализатором англо-американского этнического и политического разделения, истоки которого находились в событиях, связанных с причинами Английской революции XVII в. и вызвавших переселение пуритан в Новый свет. В свою очередь события 1774–1776 гг. показали, что сторонники компромисса, которые имелись как в колониях, так и в метрополии, потерпели поражение. Невозможность мирного урегулирования сложившихся противоречий в целом свидетельствовала о том, что англичане и жители тринадцати колоний к середине 1770-х гг. в массе своей перестали уже быть единым народом.

In Congress, July 6, 1775 // Davies D. H. Religion and the Continental Congress 1774–1789: Contributions to Original Intent. Oxford; N. Y., 2000. P. 231.

¹ *Burke E.* Speech in Support of Resolutions For Conciliation with the American Colonies // Edmund Burke on the American Revolution: Selected Speeches and Letters. N. Y., 1966. P. 84; *Samuel Johnson* // Wikipedia VRL: [http://en.wikipedia.org/wiki/Samuel_Johnson]. Дата доступа 22.01.2010.

² *Декларация независимости (1776 г.)* // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993. С. 25.

³ *Мюррин Дж.* Война, революция и формирование нации: Американская революция в сопоставлении с Гражданской войной // Американский ежегодник. 1997. С. 48.